

Пролог

Англия, 1819 год

Он достиг совершенства в убийстве женщин.

Участь бедняжки была предрешена. Она даже не понимала, что ее выследили, словно дичь, не догадывалась о действительных намерениях своего тайного воздыхателя.

Он считал, что убил ее нежно. Он гордился содеянным. Он мог бы быть жестоким. Но не был. Страсть обуяла его, ища выхода, и, хотя мысли о пытках возбуждали до лихорадочного жара, он считал, что не это главное. Он человек, а не животное. Он жаждал удовлетворения, а девчонка заслужила смерть, к его искреннему сожалению. Он был очень нежен и даже предупредителен.

Она в конце концов умерла улыбаясь. Он намеренно застал ее врасплох. Он едва успел заметить мгновенный проблеск ужаса в ее коровьих карих глазах, прежде чем все было кончено. Тогда он стал ласково баюкать ее, подобно доброму хозяину, горяющему о своем раненом животном, чтобы она слышала его полный сострадания голос все те минуты, пока еще жила. Он не прекращал этой жалобной песни, пока не прикончил ее, пока не убедился в том, что она уже больше не может его слышать.

Он не был лишен милосердия. И, несмотря на свою уверенность, что жертва уже мертва, он отвернул ее лицо, прежде чем позволил себе улыбнуться. Ему хотелось хохотать от облегчения — ведь все наконец закончилось, но он не осмеливался издать ни звука, потому что, как ни старался, не мог избавиться от мысли: так извращенно действовать могло чудовище, исчадие ада,

а не человек. Но конечно же, он не чудовище! Нет-нет, он вовсе не питал ненависти к женщинам, он восхищался ими — во всяком случае, большей частью; и по отношению к той, последней своей жертве он не был ни жесток, ни бессердечен.

Просто он наделен недюжинным умом. В признании этой истины нет ничего постыдного. Погоня придавала ему сил, хотя от начала и до конца он мог предвидеть любое действие своей жертвы. Определенно, ее тщеславие сыграло ему на руку. Она была наивным ребенком, считала себя центром мироздания — весьма опрометчивое мнение, — и он доказал ей ее неправоту.

Оружие он выбирал не без изыска. Чтобы убить ее, он задумал воспользоваться своим кинжалом. Он хотел почувствовать, как лезвие глубоко вонзится в ее тело, жаждал ощутить фонтаны горячей крови, льющейся ему на руки каждый раз, как он будет всаживать кинжал, разрывая ее податливую, гладкую кожу.

У него в голове эхом отдавался приказ: «Разделявай дичь, разделявай дичь!»

Однако он не стал подчиняться этому призыву, поскольку пока еще был сильнее собственного внутреннего голоса и в тот же миг решил вообще не использовать кинжал.

У нее на шее красовалось подаренное им бриллиантовое ожерелье. Он схватил дорожную безделушку и воспользовался ею, чтобы выдавить из девчонки жизнь. Он решил, что это наиболее изощренное орудие смерти. Женщины любят побрякушки, а эта — как никто. Он даже подумал, не похоронить ли ожерелье вместе с ней, но, когда приготовился залить ее тело комковатой известью, чтобы ускорить разложение трупа, изменил свое намерение и сунул ожерелье в карман.

Он отошел от могилы, не бросив последнего взгляда. Он не испытывал угрызений совести, не чувствовал за

собой вины. Девчонка сослужила ему хорошую службу, и теперь он был удовлетворен.

Густой туман покрывал землю. Он не заметил известковой пыли на своих сапогах, пока не добрался до главной дороги. Его не волновало, что его новые веллингтоны, по всей видимости, безвозвратно испорчены. Такая досадная мелочь не могла испортить его блестящей победы. У него было такое чувство, словно гора свалилась с плеч. Но это не все — он опять преисполнился той же страсти, того волшебного ликования, которое ощущал, когда держал руками ее лилейную шейку...

О, несомненно, эта девчонка была даже лучше, чем та, предыдущая!

Она снова вдохнула в него жизнь. Он опять стал смотреть на мир сквозь розовые очки — для такого сильного, зрелого мужчины ничего невозможного нет.

Он знал, что воспоминания о сегодняшней ночи будут вдохновлять его еще довольно долго. А когда настанет час, он снова выйдет на охоту.

Глава 1

Мать Мария Фелисити, настоятельница монастыря, всегда верила в чудеса, но за все свои шестьдесят семь лет на этой благословенной земле ей никогда еще не доводилось видеть их своими собственными глазами. И вот холодным февральским днем тысяча восемьсот двадцатого года пришло письмо из Англии.

Сначала настоятельница не смела верить в благую весть, опасаясь, что это дьявольское наваждение — сначала дать ей надежду, а потом отнять ее. Но после того, как монахиня, преисполненная чувства долга, ответила на официальное послание и получила повторное подтверждение с печатью герцога Уильямширского, она возблагодарила небеса за такую награду.

Чудо свершилось!

Наконец-то они избавятся от этой озорницы! Мать-настоятельница поделилась хорошей новостью со своими подопечными на следующее утро после заутрени. В тот же вечер они отметили это событие утиной похлебкой и свежеспеченным ржаным хлебом. У сестры Рэчел явно голова пошла кругом — ее дважды журили за громкий смех во время вечерней службы.

Проказницу, или принцессу Алесандру, пригласили в холодный кабинет настоятельница на следующий день. Пока принцессу ставили в известность об отъезде из монастыря, сестра Рэчел занималась упаковкой ее вещей.

Настоятельница восседала на стуле с высокой спинкой за просторным столом, таким же обветшалым и старым, как и его владелица. Сгорбившись по своей

дурной привычке, монахиня рассеянно перебирала звенья деревянных четок, дожидаясь ответа девушки.

Принцесса Алесандра была ошеломлена новостью. Она судорожно сжала руки и наклонила голову, чтобы мать-настоятельница не могла видеть слез, навернувшихся ей на глаза.

— Сядь прямо, Алесандра. Я не хочу говорить тебе в затылок.

— Слушаюсь, матушка. — Принцесса присела на самый кончик жесткого стула, выпрямившись, чтобы угодить настоятельнице, но руки выдавали ее волнение.

— Что ты скажешь на это? — спросила мать-настоятельница.

— Вы выгоняете меня, верно, матушка? Вы так и не смогли простить меня?

— Твой вопрос лишен всяких оснований, — отвечала мать-настоятельница. — Я простила тебе недомыслие еще месяц назад.

— Это сестра Рэчел убедила вас выдворить меня отсюда? Ведь я попросила у нее прощения, а ее лицо уже больше не такое зеленое.

Мать-настоятельница, нахмурившись, покачала головой, потому что Алесандра, неосторожно напомнив о последствиях своей выходки, рассердила ее.

— С чего ты взяла, что эта отвратительная мазь избавляет от веснушек? Тем не менее сестра Рэчел сама дала согласие на этот опасный опыт. Она не винила тебя... слишком, — поспешила монахиня добавить ко лжи, которая в глазах Божьих могла сойти лишь за незначительный грех. — Алесандра, я не обращалась к твоему опекуну с просьбой о твоём отъезде. Герцог Уильямширский сам изволил написать мне. Вот его письмо. Прочти, и ты поймешь, что это чистая правда.

Руки девушки дрожали, когда она потянулась за конвертом. Алесандра быстро пробежала глазами строчки.

— Ты понимаешь срочность, не так ли, дитя мое? Этот генерал Айван, о котором упомянул твой опекун, похоже, отъявленный негодяй. Тебе никогда не приходилось с ним встречаться?

Алесандра покачала головой.

— Меня не раз привозили в Англию, но тогда я была слишком маленькой. Я не помню встречи с ним. Почему, ради всего святого, он собирается жениться на мне?

— Твоему опекуну известны эти причины, — ответила мать-настоятельница, барабая по письму кончиками пальцев. — Подданные твоего отца не забыли тебя. Ты все еще остаешься их любимой принцессой. Генерал понимает, что, женившись на принцессе, которую поддерживает народ, он сумеет прибрать власть к рукам. В логике ему не откажешь.

— Но я вовсе не хочу выходить за него замуж, — прошептала Алесандра.

— И твой опекун также не желает этого, — прибавила настоятельница. — По его мнению, генерал не примет отказа, а при необходимости может прибегнуть к силе, чтобы добиться своего. Вот почему герцог Уильямширский считает, что в Англию тебя должна сопровождать охрана.

— Мне совсем не хочется покидать вас, матушка. Это истинная правда.

В дрогнувшем голосе Алесандры послышалась настоящая боль, и сердце матери-настоятельница сжалось. На мгновение были забыты все хитрые уловки, к коим не раз прибегала принцесса Алесандра за последние несколько лет. Настоятельница вспомнила беззащитность и страх в глазах маленькой девочки, со своей больной матерью впервые появившейся в стенах монастыря. Пока мать была жива, Алесандра вела себя словно ангел. Она была еще мала — всего двенадцати лет — и потеряла своего любимого отца только шесть месяцев назад. Однако

Алесандра не отходила от постели умирающей матери ни днем ни ночью. Надежды на выздоровление не было никакой. Болезнь разрушала как тело, так и душу, и к концу, когда больная теряла от боли рассудок, Алесандра обычно забиралась к ней в постель и обнимала измученную мать. Она нежно баюкала и укачивала ее, напевая ангельским голоском трогательные баллады. На отношении Алесандры к матери нельзя было смотреть без слез. Когда наконец испытание свыше закончилось, мать умерла на руках дочери.

Алесандра никому не позволяла себя утешать. Темными ночами она плакала в полном одиночестве своей кельи. Но никто из сестер-послушниц не услышал из-за белых занавесок ни единого стоны, ни единого звука рыданий.

Мать принцессы была похоронена недалеко от монастыря в очаровательном, усаженном цветами гроте. Алесандра не могла вынести и мысли о том, чтобы расстаться с ней. Земли монастыря прилегали ко второму дому ее семейства, замку «Стоун хевен», что означало «Каменный рай», но Алесандра ни разу не посетила его.

— Я думала, что останусь тут навсегда, — прошептала принцесса.

— Ты должна воспринимать это как поворот судьбы, — посоветовала мать-настоятельница. — Ты стоишь на пороге новой жизни. Одна глава твоей жизни пройдена, а другая вот-вот начнется.

Алесандра снова опустила голову.

— Мне бы хотелось всю свою жизнь связать с этим монастырем, матушка. Если бы вы пожелали, то смогли бы пренебречь требованием герцога Уильямширского или же оттягивать время бесконечной перепиской, до тех пор пока он сам не откажется от меня.

— А генерал? — Мать-настоятельница была поражена такой детской наивностью.

Алесандра уже нашла ответ на этот вопрос:

— Он не осмелится взять монастырь приступом. Пока я тут, я в безопасности.

— Человек, страстно желающий власти, не остановится даже перед нарушением священных законов, царящих в нашем святом прибежище, дочь моя. Он непременно ворвется в наш монастырь. Ты понимаешь, что это подвергнет опасности твоего опекуна?

В голосе монахини слышалась нотка упрека.

— Нет, матушка, — отвечала Алесандра с легким вздохом, зная наперед, какой ответ желала услышать от нее настоятельница. — Я этого совсем не хотела...

Мать-настоятельница покачала головой, заметив тоску в ее голосе.

— Я не предоставлю тебе укрытия. Даже если бы была более веская причина...

Алесандра ухватила за такую возможность.

— Но причина есть, — выпалила она и, глубоко вздохнув, возвестила: — Я решила стать монахиней!

При одной только мысли о том, что Алесандра присоединится к их святому ордену, настоятельнице чуть не сделалось дурно.

— Избави бог, — прошептала она.

— Вы это из-за бухгалтерских книг, матушка? Вы хотите отослать меня из-за этого маленького... недоразумения?

— Алесандра...

— Я всего лишь сделала второй комплект бухгалтерских книг, чтобы банкир дал вам ссуду. Вы отказались взять мои деньги, а я знала, как много нужно, чтобы построить новую часовню... вместо той, что сгорела. Но ссуда ведь и в самом деле была получена, не так ли? Господь наверняка простил мне мое прегрешение, ведь это по его воле я изменила цифры в счетах, в противном случае он не наградил бы меня способностями к математике. Верно, матушка? Сердцем я чувствую — он простил мне мой невинный обман.

— Обман? Я полагаю, это правильнее назвать воровством, — резко ответила мать-настоятельница.

— Отнюдь нет, матушка, — возразила Алесандра. — Воровство означает кражу, а я ничего не украла. Я просто внесла небольшие поправки.

По хмурому виду настоятельницы Алесандра поняла, что лучше не спорить и оставить в покое этот щекотливый вопрос ведения бухгалтерии.

— А что касается пожара... — начала настоятельница.

— Матушка, я уже выразила свои сожаления по поводу этого неприятного происшествия, — перешла в наступление Алесандра. Она поспешила уклониться от разговора, прежде чем мать-настоятельница вытащит на свет Божий очередное прегрешение.

— Я с полной серьезностью заявляю, что мне хотелось бы принять монашество. Я считаю, у меня к этому призывание.

— Дитя мое, ты даже не католичка.

— Я приму католичество, — с горячностью подхватила Алесандра.

Повисло тягостное молчание. Наконец мать-настоятельница подалась вперед. При ее движении скрипнул стул.

— Посмотри мне в глаза, — приказала она.

С минуту помолчав, она окинула пристальным взглядом воспитанницу.

— Я понимаю твое волнение. Обещаю тебе, — сказала она умиротворяющим шепотом, — заботиться о могиле твоей матери. Если со мной что-нибудь случится, за ней будут ухаживать сестра Джастина или сестра Рэчел. О твоей матери не забудут. Мы каждый день станем вспоминать ее в своих молитвах. Обещаю тебе.

Алесандра залилась слезами.

— Я не могу оставить ее.

Настоятельница тяжело поднялась и подошла к плачущей девушке; положив старческую руку ей на плечо, она принялась увещевать принцессу:

— Ты и не оставляешь ее. Она всегда будет в твоём сердце. Твоя мать желала видеть твою будущую жизнь благополучной и счастливой.

Из глаз Алесандры хлынули слезы. Она вытерла их тыльной стороной ладони.

— Я совсем не знаю герцога Уильямширского, матушка. Я видела его один раз в жизни и даже не помню его в лицо. Я не знаю, что ждет меня в его семье. Вряд ли я ему нужна! Я не хочу никому быть обузой. Умоляю, позвольте мне остаться в монастыре.

— Алесандра, ты ошибаешься, считая, что у меня есть выбор. Это совершенно не так. Мой долг — выполнить приказ твоего опекуна. В Лондоне тебя ждет спокойная, безмятежная жизнь. У герцога Уильямширского шестеро своих детей. Еще один ребенок не станет для него тяжким бременем.

— Я уже не ребенок, — напомнила Алесандра настоятельнице. — И мой опекун, вероятно, теперь очень старый и больной.

Мать-настоятельница улыбнулась.

— Твой отец назначил герцога Уильямширского твоим опекуном много лет назад. И у него была веская причина выбрать англичанина. Тебе повезло, что твой отец отдал предпочтение именно ему.

— Да, матушка.

— Ты сможешь вести счастливую жизнь, Алесандра, — продолжала настоятельница, — пока будешь помнить, что нужно держать себя в узде. Обдумывай каждый свой шаг. Это главное. У тебя острый ум. Не забывай об этом.

— Спасибо на добром слове, матушка.

— Твое притворное смирение не обманет меня. Это совсем на тебя не похоже. Я хочу посоветовать тебе кое-что еще и желаю, чтобы ты выслушала меня со всем вниманием. Сядь прямее! Принцессе не пристало горбиться.

Алесандра и так старалась что было сил держаться
12 подобающе. Она еще больше расправила плечи,

только тогда настоятельница с удовлетворением кивнула.

— Как я уже говорила, — продолжала мать Мария, — здесь никогда не имело значения то, что ты принцесса, но в Англии будет совсем по-другому. У себя на родине ты не должна ни на минуту об этом забывать. Не позволяй необдуманным поступкам портить себе жизнь. А теперь, Алесандра, скажи мне те два слова, что я неоднократно просила тебя запомнить.

— Достоинство и приличие, матушка.

— Верно.

— Смогу ли я вернуться в родные стены... если мне придется не по душе моя новая жизнь?

— Мы всегда встретим тебя с распростертыми объятиями, — пообещала мать Мария. — А теперь ступай и помоги сестре Рэчел уложить вещи. Ты из предосторожности отправись в путь с наступлением ночи. Я буду ждать тебя в часовне, чтобы попрощаться.

Алесандра встала, присела в глубоком реверансе и вышла из кабинета. Настоятельница долго молча стояла посреди тесной комнаты. Она сочла за чудо свое избавление от принцессы. Мать-настоятельница всегда жила по строгому распорядку. А потом в ее жизнь вошла Алесандра, и весь уклад монастыря нарушился. Мать Мария любила порядок, но казалось, Алесандра и хаос неотделимы друг от друга. Однако в ту минуту, когда своевольная принцесса покинула кабинет, глаза матери-настоятельницы наполнились слезами. Словно на солнце напозла темная туча.

Видит бог, ей будет так не хватать этой проказницы и ее пределок!

Глава 2

Его называли Дельфином. Он дал ей прозвище Сорванец. Принцесса Алесандра не знала, почему сына ее опекуна, Колина, называли именем морского

млекопитающего, но ее собственное прозвище не было для нее загадкой. Она его заслужила. В детстве Алесандра и в самом деле была настоящим сорванцом, и в тот единственный раз, когда она оказалась в обществе Колина и его старшего брата Кейна, ей удалось набедокурить. Несмотря на то что она была очень мала, отец с матерью, которые души в ней не чаяли, успели порядком избаловать свое единственное чадо. Что уж тут говорить о слугах! Крошечная принцесса была не по годам своевольна. Родителям Алесандры и в голову не приходило наказывать любимое дитя, и они проявляли потрясающее терпение, пока Алесандра в конце концов сама не научилась обуздывать свой темперамент.

Когда родители взяли ее с собой на короткое время в Англию, Алесандра была совсем маленькой девочкой. У нее осталось только смутное воспоминание о герцоге и герцогине Уильямширских. Дочерей их Алесандра не помнила вообще, а двух старших сыновей, Кейна и Колина, припоминала с трудом. Тогда она была мала ростом, и в ее памяти они остались настоящими великанами. Теперь они уже взрослые люди. Алесандра не была уверена, что могла бы узнать в толпе хотя бы одного из братьев. Она надеялась, что ее детские шалости забыты, равно как и прозвище Сорванец. Ей казалось, что младший из братьев, Колин, не станет вспоминать ее мелкие грешки и с ним легче будет найти общий язык. В конце концов, ее выбор был невелик и она нуждалась в безопасном пристанище.

Алесандра прибыла в Англию сумрачным утром в понедельник, ее встретили и немедленно препроводили в поместье герцога Уильямширского. От волнения и корабельной качки Алесандру слегка мутило. Но почтенное семейство встретило ее с таким радушием, что волнение девушки скоро улеглось. И герцог, и герцогиня искренне обрадовались ей. Ее неловкость мало-помалу исчезла. Отношения между членами семьи были теплые и дружеские, и девушку окружили заботой. Только в одном Але-

сандра была не согласна со своим опекуном. У супружеской пары было намерение отправиться в Лондон и провести зиму в роскошном собственном доме. Девушка уже предвкушала удовольствие от прогулок по огромному прекрасному городу, однако герцог и герцогиня неожиданно заболели.

Алесандра приняла решение ехать самостоятельно. Она уверяла опекуна и его супругу, что не желает никого обременять, и высказала желание снять себе дом на сезон. При одной только мысли об этом с герцогиней чуть не случился сердечный приступ, но Алесандра стояла на своем. Она напомнила своим опекунам, что, в конце концов, она взрослая и сама сможет о себе позаботиться. Герцог и слышать не хотел подобных разговоров. Споры продолжались несколько дней. Наконец было решено, что в Лондоне Алесандра остановится у Кейна и его жены Джейд.

К несчастью, незадолго до приезда принцессы и Кейн, и Джейд слегли с тем же загадочным заболеванием, от которого страдали герцог с герцогиней и четыре их дочери.

Оставался только Колин. Алесандра уже готова была отменить свое решение и задержаться в усадьбе герцога до тех пор, пока ее опекун не поправится. Ей совсем не хотелось доставлять Колину лишние хлопоты, особенно после того, как она услышала от его отца об ужасах двух последних лет его жизни. Алесандра понимала, что сейчас Колину меньше всего нужны незваные гости. И все же герцог Уильямширский настаивал на том, чтобы она воспользовалась гостеприимством Колина, и девушке пришлось согласиться. Несколько дней, которые Алесандра проведет в доме Колина, ничего не решат.

Она подъехала к дому Колина, когда солнце уже клонилось к закату. Хозяин отправился с визитами. Алесандра, ее новая горничная и двое верных слуг стояли в просторной прихожей, пол которой был сделан из прекрасного дубового паркета. Принцесса предъявила письмо от герцога Уильямширского дворецкому, молодого-